

LiteraruS – Литературное слово 4(41), 2013 (зима)

2003 – 2013

Историко-культурный
и
литературный журнал на русском языке
Издается в Финляндии с 2003 года

Главный редактор
Людмила Коль

**Журнал благодарит
Посольство РФ в Финляндии
за оказанную частичную
финансовую поддержку
данного номера.**

Редакционный совет

Александр Авеличев, Тимо Вихавайнен, Игорь Воловик, Арви Пертту,
Сергей Погребов, Галина Пронина, Ирина Савкина, Елена Хеллберг-Хирн

Корреспонденты

Полина Копылова (Финляндия), Светлана Матссон-Попова (Швеция),
Нина Гейдэ (Дания), Юлия Лалуа (Франция), Евгений Степанов (Россия)

**Компьютерная графика
и макет обложки**

Таня Варонен

Корректор

Галина Пронина

Web-мастер

Евгений Малицкий

Журнал имеет 6 выпусков в год, №№1–4 выходят на русском языке

Подписка на журнал принимается

по e-mail: literarus@kolumbus.fi

по тел.: +358 40 5121618

Информация о журнале расположена на сайте:
www.literarus.org

Журнал публикует произведения авторов, живущих в Финляндии, Скандинавии и других странах, а также российских авторов, пишущих на финские темы; тексты принимаются по e-mail

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Точка зрения автора может не совпадать с точкой зрения редакции

Материалы публикуются на безгонорарной основе

Издатель: **LiteraruS**

Y-tunnus: 1538941-8

При участии LiteraruS ry

Печатается в типографии UNIGRAFIA OY

(Тел.: +358 9 7010230)

© **LiteraruS**, 2013

Издание осуществляется в рамках Проекта «LiteraruS»
при поддержке Министерства образования и культуры Финляндии

ISSN 1459-2673

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Евгений Степанов. *Сердце, настроенное на любовь* 5

НАША ИСТОРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Валерий Возгрин. *Датчане в революционном Петрограде* 8

ПРОЗА

Семен Каминский. *Судьба барабанищицы*, рассказ 14

Алексей Шкваров. *Последняя миссия Агриколы*, отрывок из романа 25

АНОНС

Знаете ли вы Хельсинки? 43

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

Марк Звигильский. *Пение ясеней в городе Буживаль* (Интервью: **Юлия Лалуа**) 44

ИСКУССТВО

«Гаммеризм» Ефима Гаммера 53

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

Владимир Батшев. *Писатели русского зарубежья: разноцветье стилиевой палитры* 58

Полина Копылова. *Сны и явь Грузии* 61

СТРАНИЦА ПЕРЕВОДЧИКА

Эва-Лииза Маннер. *Прелюдия*,... рассказы (пер. с фин.: **Галина Пронина**) 64

IN MEMORIAM

Мирьям Цавро. *Стихи на память* 73

ЖУРНАЛИСТ

Игорь Воловик. *Поднефамикаталонского неба* 82

ПРАЗДНИКИ, ТРАДИЦИИ, ОБЫЧАИ

Ирина Нестерова. *«Праздник помни, а будни знай»* 86

ДИАСПОРА

Сергей Погребов. *Благотворительность и самоотверженность* 90

ЭХО

Калейдоскоп 95

«Новые вызовы культуры», форум (**Наталья Ершова**) 96

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Оказывается, что... 103

Новая книга 104

Париж: *«Развлекательная культура Серебряного века»* 107

ОБЪЯВЛЕНИЯ 108

На стр. 1 и 4 графика художника Ефима Гаммера.

**Сердце,
настроенное на
любовь**

Евгений Степанов

Евгений Степанов

ПОЕЗД

А поезд, как пьяный, качается.
Он едет в родное жнивье.
А жизнь потихоньку кончается.
Нуладно, я пожил свое.

Что было, то сплыло – не помню я
Ни Ольстер, ни Осло, ни Рим...
А в сердце... а в сердце огромная
Любовь к домочадцам моим.

Пусть их приютила неметчина —
Они остаются со мной.
А все, что мной было намечено,
Я выполнил даже с лихвой.

8.05.2013
Варшава

ПАМЯТИ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

Эти фобии, страхи –
Точно красный террор.
Каждый день, как на плахе,
Ждешь и ждешь приговор.

Жизнь моя – это битва
Стихий – во мне.
Слава Богу, молитва
Не сгорела в огне.

Слава Богу, не хилый,
Я не рухнул плашмя.
О мой Боже, помилуй
Мя.

15.05.2013
Оренбург

СТИХИ

ЭТОТ ГОРОД

Люди ругаются, злятся, хамят.
Тот, кто предаст, тот потом и осудит.
Да, этот город — всамделишный ад.
Города-сада здесь точно не будет.

Что тут поделать? Я больше не жду
Яблочек сладких, коврижек из рая.
Я научился теперь и в аду
Жить и любить — каждый день умирая.

30.09.2013
ул. Черняховского

ЯБЛОКИ

альфа-самец женатый на планете
напый и креативный пассионарий
живущий в поездах и самолетах
управляющий мировыми стихиялями
(термин Даниила Андреева)
вызывающий тектонические сдвиги

и – вдруг –

рядом – тихая нежная –

райские яблоки дачного сада

5.10.2013
Самара

ЛЮДИНА ТЕРРИТОРИИ ДЕНЕГ

1
люди на территории денег
вечная злоба

и непонимание друг друга
2

люди на территории денег
нишагу без договора

иначе – атомный взрыв ненависти

3
люди на территории денег
это значит

всегда на войне
1.10.2013
Замоскворечье

сердце
настроенное на любовь

как завещал поэт

все остальное – приложится

2.10.2013
В поезде

** *

– Мать Божия, крестная сила,
Почему здесь погибель и мрак,
И жируют стратеги распила,
И лютует упырь-вурдалак?

– Не печалься, не сетуй – не надо.
Продолжай свой единственный путь.
Испытание – это награда.
Про другие награды забудь.

21.09.2013
Аэропорт

ЕС
ЕС

Валерий Возгрин

*Доктор исторических наук, академик
Королевской Датской
академии наук,
профессор Исторического
факультета Санкт-
Петербургского
университета*

Датчане в революционном Петрограде

Датский специалист в российской истории Нового времени Бент Йенсен опубликовал в начале 1970-х годов корреспонденцию посланника в Петрограде в 1917–1918 гг. Харальда Скавениуса и его жены Анне. Этот ценный источник, способный существенно обогатить наши представления о революции 1917 г., вот уже 40 лет не был никем востребован, и эта статья – первая попытка его использовать.

События 1917 г. были описаны супружеской парой, не принадлежавшей ни к одной из нескольких противоборствовавших сторон, то есть авторами объективными. Но эта объективность имеет свои границы. Посланник не был равнодушным наблюдателем, когда на его глазах большевики творили чудовищные злодеяния. Х. Скавениус пытался понять и объяснить причины не свойственных для нормального человека поступков столичного плебса, солдат и матросов, причастных к самым диким преступлениям. С другой стороны, он представлял родину вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, матери Николая II, отчего отношение к нему императорской семьи и высшего общества было, по сравнению с другими дипломатами, совершенно особым.

Такой статус позволял ему освещать будни не только улицы, но и царских резиденций, высшего офицерства, правительственных кругов.

Первые депеши Х. Скавениуса, датированные декабрём 1916 – январём 1917 годов, посвящены сенсации не только российского, но и европейского масштаба – убийству Распутина. Как пишет посланник, оно «свершилось в лучших традициях Ренессанса» – довольно точное определение, учитывая статус действующих лиц и их действия, в том числе и сразу после смерти Распутина. А по словам Анне Скавениус, посаженного под домашний арест участника убийства великого князя Дмитрия Павловича «все считали национальным героем», а у его резиденции «выстраивалась настоящая очередь» – представители высшего света спешили оставить свою запись в его гостевой книге. В том же январе месяце Х. Скавениус шлёт в Копенгаген потрясающую новость. Столичная элита убеждена, что убийство Распутина было лишь первым шагом в борьбе с «кликкой германских агентов при русском дворе». Теперь настала очередь императрицы, и даже известны киллеры. Ими, «как все считают, станут гвардейские офицеры – это обычная тема светских бесед». А чуть спустя посланник сообщает, что после убийства ничего не изменилось, и Совет министров остался орудием не императора, а императрицы. Отсюда следует вывод датского дипломата: «Можно было убить Распутина, но нет сил, которые смогут убить его дух, который по-прежнему веет над Россией». Замечание далеко не однозначное, понимать его и современные историки могут по-всякому...

В марте Х. Скавениус сообщает, что сложивший с себя венец Николай II и Александра Фёдоровна арестованы и содержатся в Царском Селе. А одна из первых акций Временного прави-

тельства – издание манифеста, согласно которому возобновляется действие старой конституции Финляндии, и уже должна состояться экстраординарная сессия финского ландтага. В то же время Анне Скавениус пишет отцу, что рабочим эти мартовские дни запретили появляться в центре города, для чего закрыли мосты, но они огромными толпами двинулись по невшскому льду. Казаки рубили их шашками – явно по приказу властей. На другой день (4 марта ст. ст.) «чистая» публика на Невском проспекте всячески приветствовала казаков и кричала им «Ура!». «В рабочих кварталах хуже, там грабят магазины и ломают трамваи; трамвайное движение прекратилось». Одновременно было принято решение обнародовать обнаруженные в тайных архивах списки провокаторов, использовавшихся полицией при старом режиме – оказалось, что среди них немало лиц, играющих заметную роль в большевистском крыле РСДРП, «в том числе бывший редактор “Правды” Малиновский».

Между тем уже в марте в столице начался голод, чему Скавениус даёт необычное объяснение. Оказывается, хлеб в город был доставлен, но грузчики на станциях отказывались разгружать вагоны, а извозчики – доставлять муку в пекарни. И те, и другие требовали повышения жалованья. Пекари тоже бастовали, настаивая на 8-часовом рабочем дне, а это в корне нарушало производственный процесс, требовавший более длительного времени. Так достигнутые свободы обернулись своей негативной стороной. Недаром, как пишет 6 мая Х. Скавениус, А. Керенский, выступая на одном из митингов, горько заметил: «Лучше бы меня не стало три месяца тому назад, в таком случае я умер бы с иллюзией, что русский народ созрел для свободы. Сейчас Россия свободна, как никакая иная страна, но мы видим

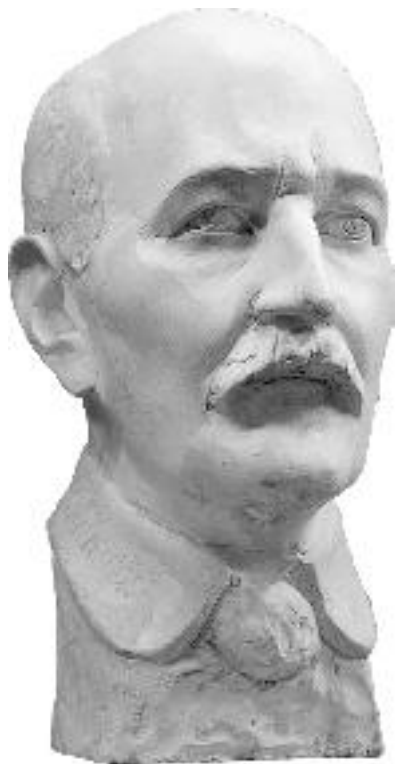
перед собой не свободных людей, а толпу рабов, которые считают, что всё позволено оттого, что над ними больше не свистит плётка».

В письме от 1 июля Х. Скавениус обращает внимание на положение в деревне, сочувственно цитируя одного из членов Думы: «Правительство позволяет идти своим кривым путём всему, что популярно среди масс, и поэтому вместо того, чтобы наводить порядок, мы движемся к всё большему хаосу. Никто уже не знает, кто несёт ответственность, и кто имеет право на наведение порядка, а вскоре такое положение станет нетерпимым. Нужно признать вину правительства за царящую на селе анархию, оно допустило вмешательство различных заинтересованных группировок во всё и этим предало население в руки демагогов. На подготовленной таким образом почве пышно расцветает взаимная ненависть, которая часто ведёт к ужаснейшим последствиям. Поджоги, убийства и грабежи стали в деревне обычным явлением, но создавшаяся ситуация грозит актами, опасными для государства. Я говорю о сепаратистских тенденциях, которые становятся всё более и более характерными для нерусских народов России».

В самом конце июля в политической жизни Петербурга наступает очередной кризис. Керенский оставляет свой пост премьер-министра, за ним уходят ещё четыре министра. Возможно, полагает Скавениус, этот демонстративный акт вызван их желанием подтвердить и укрепить свои полномочия. После этого последовало обновление кабинета министров, но, считает посланник, кризис преодолеть не удалось, поскольку не были устранены его причины, главная из которых – конфронтация между кабинетом и Советом рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, «Керенский

не проявил себя как политик, не сумев полностью использовать ситуацию, сложившуюся в связи с его уходом. Время уходило на праздную болтовню, а между тем фронт продолжал разлагаться. По этой причине Корнилов направил в правительство ультиматум, отказываясь занять пост главнокомандующего, пока ему не будет предоставлена полная свобода действий, причём вник никто не будет вмешиваться. Таким образом может сложиться ситуация полного господства русского идеализма в тылу и военной диктатуры на фронте. Теперь против Кернилова выступает и Совет, и, хотя на данный момент генерала заменить некем, в будущем всегда можно будет с лёгкостью вызвать конфронтацию ему в армии. И такие действия уже начались» По этому Скавениус предрекает обострение политической борьбы в столице и новые поражения на фронте – в чём он был абсолютно прав.

Лето 1917 года заканчивалось, а Керенский всё ещё не мог занять чёткую позицию, «лавируя между РСДРП и буржуазными элементами. Между тем последние консолидировались, в отличие от правительства, положение которого становилось всё более отчаянным – причём исключительно из-за собственной нерешительности и политики проволочек. «Большинство надеется, что сдача Риги подтолкнёт Керенского к отставке министров, тесно консолидирующихся с Советом и созданию кабинета, который способен проявить себя не на словах, а на деле». Однако всё, на что был способен кабинет Керенского, – это прибегнуть к известной тактике старого режима. А именно: раскрыть очередной «заговор», арестовав ряд лиц, в том числе великих князей Михаила и Павла Александровичей, «задумавших поднять контрреволюционное движение. Однако следует добавить, что

Харальд Скавениус
(1873–1939)

население в целом к версии заговора относится скептически». Тем не менее, аресты продолжались и в начале сентября, причём они происходили на фоне панического бегства петербуржцев из города – фронт подходил всё ближе, возникла реальная опасность бомбардировок городских кварталов.

Что же касается Октябрьской революции, то распространённое мнение о её неожиданности и даже какой-то спонтанности опровергается тем, что сведения об идущих в столице приготовлениях к перевороту оказались у посланника недель раньше, 1 ноября, о чём он тут же сообщил в Данию. А 7 ноября, посланник пишет, что Керенский, обвинив в начавшемся восстании большевиков, потребовал принять против них какие-то меры. Однако его

речь «не оказала желаемого воздействия. Парламент принял повестку дня, в которой выражались осуждение вооружённого восстания, призыв к правительству немедленно решить земельный вопрос и вступить в переговоры с союзниками о мире». Понятно, что это решение было принято слишком поздно и ничего в судьбе правительства изменить не могло. На следующий день всё оно, за исключением бежавшего Керенского, было арестовано. Власть в городе перешла к восставшим. А с 12 ноября в столице начались дикие репрессии. Скавениус сообщает: «в городе царит всеобщая анархия. Красная гвардия устроила настоящую охоту на юнкеров, несколько сотен которых было убито».

Ненависть к большевистской власти получила новое выражение в начале

ноября, на фоне новых успехов немцев. Петроград был охвачен самыми невероятными слухами, доходившими до Скавениуса – вроде того, что «немцы уже заняли Аландские острова и высадились в Финляндии. Это известие встречено здесь с радостью, и огромным было разочарование, когда они не подтвердились. Поведение немцев в Риге избавляет от страха перед ними, и мирное население ждёт их как освободителей от царящей анархии». Нужно сказать, что такие чувства в самом деле владели в эти дни значительными слоями петроградцев. Причём это были не какие-то тёмные народные массы, а в том числе и русская аристократия, интеллигенция, столбовые дворяне вроде Гиппиусов, чьи предки служили ещё московским великим князьям XVI в. Теперь эти столичные жители говорили: «Сейчас у нас всех только одна узкая, самая узкая цель: свалить большевиков... Это единая, первая, праведная: свалить. Всё равно чем, всё равно как, всё равно, чьими руками<...> Господи! Хоть бы шведы нас взяли! Хоть бы немцы прикончили!» (Гиппиус З.Н. Современная записка, 1914–1919 гг.: Дневник: Извлечения // Д. Мережковский. Большая Россия. Л.: Изд. ЛГУ, 1991. С. 224, 228).

Следующий шаг нового правительства, запрещение партии кадетов и объявление их «врагами народа» никак не улучшил отношения между западными союзниками и большевиками. Кадетов обвинили в том, что «они в своих контрреволюционных устремлениях идут рука об руку с казаками. Это – ещё один выпад против Учредительного собрания, которое большевики стремятся превратить в простое орудие собственной политики. Ленин заявил, что он любой ценой добьётся своей цели – диктатуры пролетариата, и, судя по его более ранним поступкам, вряд ли стоит

сомневаться в том, что подтвердит свои слова делом, отчего следует ожидать актов террора. Конечно, такого рода политика – единственно возможная для правительства, держащегося на штыках, и против которого выступают все без исключения политические партии».

Казалось бы, дела давно минувших дней. Но даже самый невнимательный читатель обратит внимание на некоторые детали в эпистолярном наследии Х. Скавениуса, которые поразительно напоминают реалии в современном мире.

Санкт-Петербург

ВВ

В марте 2014 года
вас ждет
встреча
с писателями,
авторами журнала,
критиками,
литературоведами

Следите за объявлениями
на нашем сайте:

www.literarus.org

Семен Каминский

Судьба барабанщицы

Рассказ

Однажды родственники из деревни привезли Чуприниным в качестве гостинца петуха. Петух былярко-белый, толстый и самодовольный, с пухлым багровым гребнем. Несколько дней он жил у них на балконе, привязанный верёвочкой за лапку к решётке. Маленькой Ирка петух понравился. Ей сказали, что его зовут, естественно, Петей, но она называла его почему-то Пашкой. Ирка часто бегала на балкон посмотреть, чем он занимается, беседовала с ним по душам, подсыпая пшена в железную коробочку от сайры. Когда

петух клевал пшено – тук, тук, тук-тук-тук, – Ирка отстукивала такой же неровный ритм деревяшкой по перилам. Звук метался, дробился оглушительным многоголосием в колодце двора, окружённом одинаковыми девятиэтажками. В окнах появлялись недовольные физиономии соседей. Петух поднимал голову, минуту-другую прислушивался к этому тарараму и снова продолжал клевать.

Дня через три, пока Ирка была в детсаду, петуха зарезали и сварили наваристый суп. Ирка сначала ничего о случившемся не знала, выскочила на балкон – а там пусто, даже постилки от петуха не осталось. И тут её позвали обедать: иди, попробуй, какой супчик замечательный получился! Ирка плакала навзрыд и есть категорически отказалась: вы все, заявила, самые подлые предатели и убийцы, я никогда не буду есть суп из моего друга.

Лет в четырнадцать ей купили первые джинсы: польские или болгарские, странного лилового цвета с белёсыми разводами – ну, тогда и таких было не достать, не говоря уже о настоящих, американских. В этих потешных джинсах и клетчатой байковой рубашке Ирка сидела в коридоре Дворца культуры железнодорожников – прямо на полу, возле двери в репетиционную комнату рок-группы «Локомотивы», – когда её заметил руководитель группы Вилен Давидович.

– И давно ты так сидишь? – спросил он, выглянув из репетиционной по какому-то делу.

– Не очень, – отозвалась Ирка. – Недели три... или немножко дольше.

Оказывается, в течение месяца она регулярно приходила сюда во время репетиций (вторник-четверг-суббота). Подложив курточку, устраивалась возле заветной двери в рок-музыку и, внимательно прислушиваясь к каждому доно-

сившемся оттуда звуку, отбивала ритм на коленях. Пока шли занятия, Вилен Давидович (за глаза называемый Вилей) выходил из комнаты редко, а ребята, если и бегали покурить, на Ирку особого внимания не обращали: сидит малолетка, видно, ждёт кого-то из музыкантов – может, сестра или знакомая. Им, в творческом порыве, было не до неё. Как только начинался перерыв и в комнате замолкала музыка, Ирка подбирала курточку, уходила в другой конец коридора и терпеливо ждала продолжения репетиции, расположившись на подоконнике и болтая ногами в чёрных мужских ботинках. А потом опять возвращалась под дверь.

– И зачем ты сидишь? – заинтересовался Виля.

– Я это... от барабанов тащусь, – сказала Ирка.

– Заходи, – ухмыльнулся Виля.

Тут как раз начался перерыв. Все музыканты вышли, и Виля распахнул створку окна, чтобы немного проветрить комнату.

Ирка приблизилась к сияющей красным лаком, никелем и медью чехословацкой ударной установке «Амати».

– Можно мне там посидеть? – попросила она, кивнув на трёхногий стул ударника.

– Посиди, – разрешил Виля. – Можешь даже постучать немного. Только не трогай Геркины фирменные палочки – убьёт. Он их на толчке покупает. Вот тебе запасные, совковые. Я сейчас приду.

Виля ненадолго спустился на первый этаж. А когда возвращался, ещё с лестничной клетки услышал, что в их репетиционной происходит что-то непонятное: похоже, кто-то врубил запись «Лед Зепелин», и на весь ДК бешено гремят барабаны Джона Бонэма.

Но это была не запись, и это был не Бонэм. Это была Ирка. Техники ей, конечно, не хватало. Она сидела высоко,

неудобно и, напряжённо закусив губу, с трудом дотягивалась до педалей, а палочки ухватила неправильно, зажав в кулаках. Но гулкий большой барабан-«бочка» – сердце установки – под ударами её маленькой ноги совсем неплохо «качал», держал ритм. Вкусно, с лёгким треском – т-ч! т-ч! – отзывался рабочий барабан. Услужливо хлопотал весёлый хай-хэт. Убедительно – тув-в! тув-в! – высказывались солидные томаты. И рассыпались в полнейшем восхищении тарелки: ах! ах-х! ах-х-х!..

Виля остановился в дверях, поражённый тем, что она вытворяет, а за его спиной собрались вернувшиеся с перекура музыканты – гитарист Миха, барабанщик Герка и рыжий басист Вадюня. Завидев их, вошедшая в раж Ирка прекратила стучать, с невинным видом аккуратно сложила палочки на рабочий барабан и выскользнула из-за ударной установки.

– Ты где это так научилась? – спросил Виля.

– Дома... – бросила Ирка, топя к выходу.

– У тебя что – дома барабаны есть? – удивился Герка.

– Не... я на книжках... – не очень вяжно проговорила Ирка и попыталась выйти из репетиционной.

Вилен Давидович задержал её:

– погоди... посиди тут. Снами.

Сэтого момента Ирка, крайне довольная переменой в своей жизни, торчала у них в комнате на каждом занятии. Она нашла себе укромное местечко в углу, между колонками, на ящике с проводами, и терпеливо ждала перерыва, чтобы хоть немного посидеть за ударными. Она приходила раньше всех и уходила самая последняя – только тогда, когда Виля готовился запереть дверь и включить охранную сигнализацию. Незаметно музыканты так привыкли к постоянному Иркиному присутствию,

что она стала как бы частью репетиционной обстановки, и, когда один раз Ирка не появилась из-за сильного гриппа, все с некоторым удивлением поглядывали на пустой угол.

Как-то само собою вышло, что она стала ездить с ними на концерты: помогала собирать барабаны, расставлять по сцене стойки, сматывать микрофонные шнуры, развешивать костюмы. И звать её в команде начали по-свойски – Чупой. А Герка стал задерживаться после репетиций, чтобы показать ей, как правильно держать палочки, сидеть за барабанами, извлекать звук. У неё получалось – всё лучше и лучше.

Но родители ужасно скандалили, потому что Ирка поздно возвращалась домой. Они не понимали, да и не хотели понимать, чем она занимается: шляется, конечно, с мальчишками – что же ещё? «Проститутка! – визжала мать, принимаясь к Ирке, и, не учуяв, к своему удивлению, запаха спиртного, продолжала: – Таблетки жрёшь?» Ирка пыталась что-то объяснить, но её не слушали, и она вообще перестала что-либо объяснять.

В начале весны в группе узнали, что Герке скоро уходить в армию. Однако ни у кого не возникла мысль, что Ирка сможет его заменить, – уж слишком маленькой она для них была, – и, чтобы найти нового ударника, Вилен Давидович дал объявление в газету.

Он прослушал около десятка желающих, но хорошей замены Герке так и не нашёл. Впрочем, нет, нашёл – некоего Арсения, уже потёртого, игравшего в каких-то столичных коллективах, а потом в местном ресторане «Рассвет». Но и оттуда Арсений ушёл, как он сказал, «по сутобо творческим причинам»: мол, в кабаке играют одну попсу галимую, а ему охота пусть в самодеятельности, но поиграть настоящий рок-н-ролл.

На репетиции Арсений стучал пре-

восходно, но большой уверенности в нём не было: Виля сразу предположил, что мужик «склонен к употреблению». Так оно и вышло: Арсений подвёл их буквально на первом же выступлении. Просто не явился кавтобусу, когда они отправлялись на концерт, оплаченный пригородным совхозом (Герка к тому времени уже всю барабанил в вокально-инструментальном ансамбле черниговской танковой дивизии). Виля задерживал отъезд, безумно нервничал, ждал, бегал звонить к соседям Арсения (телефона у того не было), возвращался к забитому аппаратурой автобусу и всё выглядывал, не идёт ли злосчастный «столичный» барабанщик... Но напрасно. Ждать больше не могли. Отчаявшись, Виля собрался опять идти звонить: на этот раз – в совхоз, отменять концерт (скандал! – руководство ДК им этого не простит – и прощай нормальная репетиционная база). Он уже открыл рот, чтобы дать команду разгружаться, но тут Ирка, забившаяся в самый хвост автобуса, поближе к зачехлённой «Амати», сказала: «Вообще-то, могу постучать я..»

...Своего концертного костюма у Ирки, конечно, не было, и Виля второпях напялил на неё огромную Геркину рубашку, которая обнаружилась в чемодане с костюмами. Расшитая крупными голубыми звёздами рубашка доходила ей до колен, снизу виднелись потрёпанные лиловые джинсы. Но на сцене картинка неожиданно вышла прикольная: маленькая сосредоточенная девичья мордашка над алыми округлостями барабанов, взлетающие тонкие руки, мелькающие палочки, развевающиеся рукава широченного балахона... вроде всё и было так задумано. От ударной установки на зрителя катился мощный звуковой поток. Ирка нигде не сбилась – может быть, один раз, в самом начале. Вот только темп

половины песен с перепуга загнала так, что музыканты еле за ней попевали, и концерт получился коротковатым. Однако публика никаких огрехов не заметила и приняла выступление на ура. А после того как Миха, перечисляя музыкантов в финале концерта, представил Ирку (фамилии её он не знал и брякнул: «На барабанах – Ирина Чупа!»), зал разразился громом таких аплодисментов, каких ребята на своих выступлениях ещё не слышали. Жаль только, что Ирка из-за несуразного наряда постеснялась выйти вперёд – на поклон вместе с парнями. Так и осталась сидеть за установкой, пока не закрыли занавес. Тут к ней бросилась вся команда: «Ну, Чупа! Ну, молодца-а!»

Другого барабанщика уже не искали, а с помятым Арсением, явившимся на следующий день, Виля и разговаривать не стал – «по сугубо творческим причинам».

Осенью Иркиного старшего брата тоже забрали в армию. Спустя пару месяцев началась война, и брата отправили в афганское пекло. И уже через полгода – ужас похорон, грубо развороченная глина, гадкие удары падающей земли о крышку цинкового гроба. Сбратом, здоровенным, не обременённым тонкой натурой «качком», Ирка, так же как и с родителями, никогда не ладила, но эти удары – звуки отчаяния и бессмысленной, кричащей криком пустоты – запомнились ей точно и ярко. Ночью они напло вмещивались в её сны, а иногда вдруг чудились и днём, сбивая ненужными синкопами с привычного, слышного только ей одной строгого внутреннего ритма.

И липкая беда, притащившаяся в дом с этих похорон, никогда уже не ушла. Отец и раньше нередко являлся навеселе, а сейчас и вовсе «з глузду зыхав», как сказала соседка, тётя Поля. Участились материны истерики,

начались домашние драки, вопли, суета.

И вдруг... Пришла Ирка как-то с репетиции, а они сидят в полном согласии – отец и мать, два голубка, – нестройно воют про то, что «нэсэ Галя воду», и про Иванко, что увивается, значит, за этой самой Галей, несущей воду... На столе – почти допитая бутылка «Московской», нехитрые объедки. В общем, мать начала пить вместе с отцом. Теперь отец по друзьям не ходил, и родители оба почти ежевечерне синхронно набирались под самое горлышко.

Отец лет двадцать был сменным мастером на пивзаводе, мать служила там же, в бухгалтерии. На этом же заводе они когда-то и познакомились. Нынче, после многочисленных прогулов и появлений на работе в непотребном виде, Чуприниных долго жалели (бедные-несчастные, сыночек у них погиб, вот горе-то), пять раз разбирали на собраниях и оперативках, но, в конце концов, уволили. Оба устроились в кооператив, к какому-то знакомому, делать колбасу, реализовывать её на рынке и в продуктовых киосках по городу. Сначала хозяин платил хорошо, водка и закуска на столе не переводились (только ту чудную колбаску, что производил кооператив, сами не ели). Но вскоре за их кооператив взялись проверяющие органы, нашли кучу нарушений, и застолье стало намного скромнее: водку брали «палёную», колбасой уже не брезговали – тащили с работы кооперативную – и варили макароны самого дешёвого сорта.

Ирка приходила домой только спать. Виля, зная, что творится у неё дома, доверил ей ключи от репетиционной, и она, сидя в наушниках, целыми днями барабанила там под фонограмму. Выбежит на полчаса в булочную или в буфет Дворца культуры (если открыт), заскочит в туалет пару раз – и опять за палочки.

По Вилиному же совету, Ирка поступила учиться в железнодорожное училище. Будущая профессия железнодорожника её, понятное дело, не интересовала, однако у Вили были причины, по которым он настоятельно советовал ей идти именно в это училище. Во-первых, оно было подшефным Дворцу культуры, в котором играли «Локомотивы». Во-вторых, заместителем директора по воспитательной работе этого замечательного учебного заведения был лучший друг Вилиного детства. Пользуясь такими связями, Вили постоянно освобождал Ирку от занятий – то для участия в концертных поездках группы, то для подготовки к конкурсам. Так что на занятиях Чупринину видели не часто, однако ставили «тройки» и платили стипендию, на которую Ирка умудрялась жить: покупала еду, палочки, иногда одежду (в детском отделе ЦУМа) и мечтала собрать деньги на «фирменный пластик» – хотя бы для рабочего барабана.

«Локомотивы» стали тогда уже довольно известными: заработали множество призов, выступили по столичному телевидению и собирались на фестиваль в Польшу. Вили начал подумывать об изменении статуса команды с самодеятельного на профессиональный, но найти подходящую филармонию или концертную организацию ему пока не удавалось. Зато они всё чаще и чаще играли на свадьбах и «хозрасчётных», как стали говорить, концертах (между собой музыканты называли такие выступления «халтурами»).

На свадьбы Ирку не брали – опять же потому, что слишком молода. Кроме того, учитывая её домашние проблемы, Вили считал, что ей вообще незачем лишний раз находиться в разгульной обстановке подобных мероприятий, и приглашал какого-нибудь взрослого ударника со стороны. Однажды, когда

все знакомые барабанщики оказались занятыми и положение создалось безвыходное, ему опять пришлось найти Арсения. Тот не подвёл, и его снова стали брать – но исключительно на «халтуры». Никакой Арсений не смог бы теперь отстучать Иркины концертные партии так, как это делала она, особенно её невообразимо сложный, исступлённый, шестиминутный сольный номер – гвоздь программы «Локомотивов». Вили знал, что в городе нет ни одного барабанщика лучше Ирки. Да что там – в городе! Она показывала настоящий мировой класс, но Вили хвалил её весьма осторожно: боялся, что уйдёт. Впрочем, пока его опасения были напрасны: куда она могла от них деться – такая маленькая?

Ирке едва исполнилось шестнадцать, когда Виле всё-таки пришлось взять её на свадьбу. Арсений попал на пятнадцать суток за хулиганство в пьяном виде, и рассчитывать на него в этот раз было уже невозможно. А свадьба намечалась денежная, но трудная – уцыган.

Музыканты знают, что такое цыганская свадьба... Там тебя могут заставить играть без передышки всю ночь, украсть инструменты, обмануть при расчёте. Но могут накормить и напоить на убой, нагрузить спиртным и продуктами «на вынос» и заплатить даже больше того, что обещали, – это в том счастливом случае, если ты сильно понравишься хозяевам.

Обычно Вили опасался иметь дело с цыганами. Но пригласивший его немолодой, круглолицый, чернявый мужичоквид имел скорее хохлацкий, чем цыганский. Он подошел к Виле сразу по окончании платного концерта «Локомотивов», замечательно прошедшего суботним вечером в летнем концертном зале парка имени Шевченко. Сияя широкой золотозубой улыбкой, мужичок восторженно отозвался о выступле-

нии группы и сообщил, что свадьба его любимого сына Василя скоро состоится в посёлке Мирный, совсем недалеко от города.

– Дя нас это великая честь бачиты на нашей свадьбе таких прекрасных артистов, як вы, хлопци! – на суржике уговаривал он Вилю, возбуждённого успехом концерта и ещё не совсем ясно воспринимавшего действительность.

Круглолицый любитель «локомотивного» творчества предложил за свадьбу довольно крупную сумму, и Виля согласился. Хлопнули по рукам. Мужичок подозвал жениха и невесту, стоявших, как оказалось, недалеко, у противоположного края сцены:

– Деточки, йдите-ко сюда, знайомитесь с артыстами!

– Так они ж цыгане... – шепнул Рьжий, упаковывая басовый усилитель и при этом, как бы ненароком, приблизившись к Виле. Действительно, внешность Василя и особенно его будущей супруги не оставляла в таком выводе никаких сомнений.

– Да вижу я! – с досадой сказал Виля, но отказываться было уже неловко.

Так жарким августовским днём они оказались на цыганской свадьбе, да ещё и Ирку вынужденно прихватили с собой.

Хозяева были, конечно, не кочевыми цыганами, и дом их выглядел как обычный поселковый дом – не сильно большой и не шибко богатый, – но во дворе раскинулся белый, внушительных размеров шатёр, чем-то напоминавший о далёкой кочевой жизни. Пёстрая, шумная толпа гостей – родственников и соседей – плотно заполняла длинные деревянные лавки, разливалась по двору, выплёскивалась на улицу.

«Локомотивы» установили аппаратуру за домом, на тесном заасфальтированном пятачке. Ножки барабанов и стоки тарелками пришлось заблаговременно

подпереть найденными тут же кирпичами, чтобы части ударной установки не разъезжались в стороны во время неистовой Иркиной игры. Несколько голосовых колонок примостили на веранде, а сеть подключили через открытое кухонное окно. (Музыкальный жаргон определяет тип подобного выступления как «хасню на огородах»).

Долгие витиеватые тосты, обильная еда и беспрерывные возлияния продолжались не один час. Целовались молодые, их целовали и обнимали гости, гости целовали и обнимали друг друга и тащили подарки. Стоял жуткий галдёж.

Пора было играть. В начале праздника музыкантов посадили за стол, расположенный в углу шатра, очень близко к забору. Чтобы выбраться со своих мест, они должны были теперь по очереди протиснуться между столом и коленями толстенной соседки-украинки, усевшейся на краю лавки и закупившей собой весь проход. Очумевшая от водки, красномордая бабища развлекалась тем, что, заливаясь глупым смехом, бесстыдно хватала между ног каждого пытавшегося пролезть мимо неё музыканта. Завидев Ирку, баба удивлённо пробасила: «О-о! Так цэ ж дивка!» – и, подобрав гигантское пузо, беспрепятственно позволила Ирке выбраться из-за стола.

Во время короткой настройки ансамбля публика чуток притихла. Ирка трижды цокнула палочками – и по всему посёлку с шальным захлёбом разлетелась нехитрая заводная мелодийка:

А запрягай, папаня, лошадь,
Рьжую, мохнатую,
А я поеду вдальний табор,
Цыганочку сосватаю.

Я парамела, я чебурела,
Я сам самели тулия,

Гоп, я парамела, гоп, я чебурела,
Гоп, барон цыганскийя!

Толпа исступлённо прыгала, выкрикивая в такт: «Гоп! Парамела! Гоп! Чебурела!». Цыганский «папаня» сидел рядом с молодыми и растроганно плакал.

– Ну что? – спросил Виля, повернувшись от клавиш к Ирке во время короткой паузы, пока Миха искал в тетрадке со словами следующий «хасневый» шедевр. – Как тебе такой «рок-н-ролл»? Не тошно?

– Тошно... – не глядя на него, проговорила Ирка и, скривившись, со всего маху вмазала по тарелкам так, что гости, сидевшие за ближайшими столами, от неожиданности пролили самогон из поднятых стопок.

– А сейчас для наших гостей из солнечной Молдавии звучит эта песня... – забубнили динамики сладким, слегка шутовским Михиным говорком – и веселье продолжилось.

Поздней ночью, после вялого исполнения на бис очередной «Парамель», к Виле наконец-то подошёл, пошатываясь, хозяин и расплатился сполна.

– Вы все чудови, хлопци, чудови! – повгорял цыган, пожимая руки окончательно упарившимся музыкантам. – Но мала дивчинка – от шуфра, от спиритна... Оце тильки тоби! – и сунул в Иркину руку несколько влажных скомканных бумажек.

На цыганские деньги Ирка приобрела у фарцовщиков подержанный рабочий барабан от английской установки «Премьер» (оранжево-перламутровый, звонкий – настоящий!) и к нему – несколько американских пластиковых мембран «Пинстрайп». Позднее, продолжая играть с ребятами на «халтурах», она заработала на хорошие тарелки, поменяла «пластик» на всех остальных барабанах и стала понемногу собирать

деньги на собственную ударную установку. Ей страшно хотелось заполучить серебристый «Людвиг», виденный как-то на цветном плакате «Битлов».

Теперь на сборных концертах к ней нередко подходили взрослые длинноволосые парни-барабанщики из других групп и уважительно просили разрешения посмотреть и потрогать «фирму». И вообще, Ирка постепенно стала местной музыкальной знаменитостью. Виля ревниво приглядывался ко всем, кто к ней приближался, и напряжённо прислушивался, о чём с ней говорят. Он уже знал, что ей неоднократно предлагали перейти в другие группы – и у них в городе, и во время поездок на фестивали, и даже в столице. Но Ирка отвечала всегда одинаково – серьёзно и непонятно: «Я никогда не буду есть суп из моего друга». И всё. Что это значило, не было известно никому, но после таких странных слов говорить с ней повторно на подобную тему уже никто не решался.

И ещё душа у Вили была беспокойна по другому поводу: Ирка начала взрослеть и отчаянно хорошеть. Несмотря на то, что она по-прежнему одевалась как пацан, никогда, даже на сцене, не пользовалась косметикой и совсем немного прибавила в росте и в весе, принять её за мальчишку теперь было уже трудно. У неё как-то совершенно неожиданно, чуть ли не в один день, началось явственное округление формы появилась своеобразная грация.

– Коты, вот коты... – бурчал про себя Виля, подмечая, какие взгляды стали бросать на Ирку представители мужского пола (как зрители, так и коллеги-музыканты), восхищённые не только взрывным талантом юной барабанщицы, но и её женской привлекательностью, особенно удивительной и загадочной в таком «безбашенном», как казалось, существе.

Сам Виля был не очень юн и женат на Леночке Сутеевой, сухонькой руководительнице танцевального ансамбля того же ДК железнодорожников. Имелась у него двое детишек: маленький мальчик от Леночки и девочка постарше от первой жены, соученицы Вили по музучилищу. Брак с Леночкой тоже давно стал ему в тягость. Во время гастролей он вполне активно включался в различные любовные интрижки с директрисами клубов, методистками и культ-организаторшами и месяцами жил не дома, но до полного развода дело пока ещё не доходило. Можно сказать, что на окончательное решение этого вопроса у них с Леночкой просто не хватало времени.

С девочками из «Локомотивов» Виля никогда не связывался, хотя в группе периодически появлялись то миленькие вокалистки, то симпатичные клавишницы, а одно лето с ними ездила чудная скрипачка Зойка («Локомотивы» в тот момент не на шутку увлеклись фолк-роком). «Не е..и, где живёшь, – не живи, где е..ёшь», – повторял Виля. Но, соблюдая эту затасканную «мудрость», он одновременно предоставлял широкое поле деятельности Михе, Рыжему и другим своим парням, которые напропалую гуляли с девочками группы и даже без всякого стеснения передавали подружек от одного к другому. Малейшие же попытки кого-то из парней ухлестнуть за быстро взрослеющей Ирккой пресекались Вилей самым строгим образом – и самыми разнообразными способами: от язвительных насмешек над нарушителем в присутствии всей команды до грубых разговоров наедине («Я тебе за малолетку яйца оторву, донжуан недоделанный! Завтра же из группы выкину на хер!»). За спиной Вилен Давидовича, конечно же, болтали, что он не только блюдет мораль молоденькой

девчонки, но и симпатизирует ей, но, что ни говори, а никаких близких отношений между ним и Ирккой замечено не было.

Виля всё своё основное время занимался группой, музыкой, аранжировками и репетициями. Между тем в окружающем, активно изменяющемся последние годы, мире уже оголтело вертелись предприимчивые люди, которые в данный исторический момент удачно оказались недалеко от значительно более материальных, чем музыка, природных и неприродных благ. Кто-то был вхож в правление подыхающего завода с тоннами металла, станков или труб на затоваренных складах и как-то незаметно прибрал этот завод к рукам. Кто-то очень удачно перебежал из махонького профсоюзного начальника в учредители возникшего из небытия крупного частного предприятия. А молодые люди с ясными глазами и комсомольскими значками стали бодро создавать при горкомах и обкомах концертные организации, печатать и продавать собственные билеты, приглашать известных и сбивать бригады из малоизвестных артистов: раскручивался дикий, но уже красиво называвший своё себя, «шоу-бизнес».

Скоро Виллю начали звать уже не только для того, чтобы выступить с хорошими, но всё-таки непрофессиональными «Локомотивами», а для того, чтобы с помощью их приличной аппаратуры озвучить в небольших залах концерты заезжих новоиспечённых «звёздочек» (но, конечно, не настоящих, суперпопулярных «звёзд» – те прибывали со своим оборудованием, рассчитанным на стадионы).

Мало-помалу это стало для Вили интересным и, главное, весьма прибыльным занятием (надо было только не забывать что-то отстёгивать директору и худруку родного Дворца культуры,

которому, в общем-то, принадлежала львиная доля аппаратуры «Локомотивов»). Появлялись и укреплялись связи со столичными музыкантами, а главное, с их менеджментом. И однажды Вилю позвали в столицу: один из его новых приятелей создавал студию звукозаписи и предложил там работу звукоинженера (а в близкой перспективе – и музыкального «продюсера», присовокупил столичный кореш заманчивое новое словцо).

Времени на раздумье у Вили не было: позвонили из столицы и сказали, что ждут ответа на следующий день. Вечером Виля отчаянно напился с лучшим другом детства, заместителем директора по воспитательной работе того самого училища, где числилась Ирка. Затем, не сомкнув глаз, проблевал всю ночь, а утром, с жуткого богуна, решительно объявил Леночке, что подаёт, наконец, на развод и уезжает. Руководителем «Локомотивов» был оставлен Миха, прощание с командой прошло без сантиментов, коротко и по-деловому: вот я там пристроюсь и всех вас вытащу, хватит вам тут, в провинции, прозябать...

На вокзале музыканты мялись, курили, по несколько раз жали ему руку: «Счастливого, Вилен Давидович!» Ирка пришла, когда поезд уже вот-вот должен был тронуться, и Виля, стоя на площадке вагона, едва выглядывал из-за плеча крупнокалиберной проводницы. Он увидел Ирку, закричал: «Ира! Чуприна! Успехов тебе! До скорого!» Ирка подошла очень близко к вагону, подняла голову и сказала, серьёзно и непонятно:

– А я никогда не буду есть супиз моего друга.

Через два года, зимой, Миха по какому-то делу приехал в столицу. Они встретились с Вилей в крошечном пивном

баре. В студию, объяснил Виля, он пригласить Миху не может: там, мол, идёт запись некоей крутой группы (сказать какой – нельзя, секрет!), и посторонних не пускают.

Миха поведал Виле о том, что «Локомотивы» продолжают «лабать на халтурах», то есть, по-современному, на корпоративах. Состав команды уже несколько раз поменялся, играют они, в основном, попсу и – редко – традиционные рок-н-роллы, а на барабаны вернулся Герка...

– Герка? – переспросил Виля. – А где же Чуприна?

– Чупа... а она это... похоже, померла, – бесцветным голосом произнес Миха и шумно отхлебнул пива.

– Ты что, Михаил, несёшь?! – охнул Виля. – Что значит: «похоже, что померла»?

– Да вот так, Вилен Давидович, полгода уже... Странная история получается. Был у неё, если помните, прикол: она всё бабки собирала на «Людвиг». Ховала их где-то в доме. Паханы ж у неё, сами знаете, бухали не по-детски. Ну, а кооператив колбасный, где паханы работали, вроде накрылся... этим самым местом. Бухать, значит, стало не на что. Вот Чупа приехала из двухнедельной поездки по сёлам (былу нас один такой удачный вояж), а оба родителя, упитые в дупель, простиге, обоссанные, обрыганные, храпят на полу... Ещё и чужих людей полон дом, тоже бухих: погуляли, видимо, на славу. Где деньги взяли? Кинулась Чупа, наверно, в свой тайник, уж не знаю, где он был, – ни фига нет. Короче, как-то они её выследили, денежки все упёрли и пропили. Ну, и она... бешеная ж всегда была, чумовая... Выходит, что схватила на кухне бутылку с дихлофосом или с чем-то там ещё, чем тараканов травят, и выпила. Мы с Рьжимузнали только дней через десять – после того, как Чупа два раза подряд на

репетиции не явилась. В хату к ним сунулись – закрыто. Поговорили с соседкой, тётей Полей, – говорит, это она Чупу нашла, я не понял как, и скорую вызвала. В какую больницу забрали, мы так и не дознались. Обзвонили вроде все. Нигде нет, только в одной больничке сказали, что была, как бы, похожая девчонка, типа «суицид», но документов никаких, фамилию не знают, померла... Мы опять домой сунулись – закрыто-забито. Тётя Поля сказала, паханов менты замели за эти самые кооперативно-колбасные дела, что-то там серьёзно е, а где Чупа – так никому и неизвестно...

– В милицию ходили? – выдавил из себя Виля, прислоня к щеке холодный бокал остатками пива.

– Ходили, один раз. Разговаривать с нами они не захотели. Кто вы такие, волосатые, обкурились, наверно, никакой Чуприной мы не знаем, у нас работы невпроворот, будете доставать, сейчас вас самих...

– Эх, чёрт, если бы я там был, я бы, конечно... – начал Виля и осёкся.

Они долго сидели за столиком и молчали. Миха изучал панно из медной чеканки, занимающее полстены за спиной Вили. Панно изображало романтические, но слегка квадратные фигуры юношей и девушек, свершающих что-то героическое в лучах квадратного солнца. Виля уставился в окно, где мокрый снег прилипал к грязному стеклу и бесформенными ошмётками медленно, бесконечно сползал вниз.

Мёрзли ноги. Виля заказал ещё пива.

– А вы тут как, Вилен Давидович?

– Ты знаешь, тут тоже на самом деле ничего особо интересного... – вздохнул Виля. – Обещали одно, получилось другое... Я ж им не мальчик, чтобы подай-принеси и инструменты настраивать! Я из студии ушёл. В Израиль вот

собрался, а оттуда, думаю, махнуть в Америку. Есть там знакомые, обещали пристроить сессионным музыкантом в одну из чикагских студий. Хорошие музыканты, говорят, всегда нужны.

– Вот это да... – покрутил головой Миха. – В Америку?

В середине дня в музыкальный магазин «Гитарный центр» на Арлингтон Хайтс Роуд вошла невысокая крепкая женщина в байковой рубашке с закатанными рукавами, тёмно-синих джинсах и ботинках на толстой подошве. Она вела за руку дочку семи-восьми лет. Не останавливаясь и почти не глядя по сторонам, они прошли мимо тихого, закрытого стеклянными дверями помещения с классическими гитарами, миновали залы с тесно развешанными на стенах разноцветными электрогитарами и сквозь плотные ряды колонок и усилителей направились в отдел ударных инструментов. Это был большой демонстрационный зал, забитый десятками барабанов различной акустической и электронной конструкции. Здесь скромно стояли обычные ударные установки и громоздились установки-монстры с дополнительными барабанами всевозможных размеров, тарелками, бонгами, гонгами, стойками и креплениями, а также лежали на стеллажах тамбурины, маракасы, бубны, каубеллы и другие стучащие, звенящие, шуршащие и гудящие штучки, названия которых, в основном, неизвестны широкой публике.

Женщина купила две пары недорогих барабанных палочек, а затем они с дочкой стали медленно пробираться по залу между барабанами, внимательно их рассматривая. Иногда они останавливались, и было похоже, что мать подробно объясняет дочери устройство и назна-

чение частей какой-нибудь установки или просто рассказывает о чём-то интересном. Так они дошли до серебристых барабанов фирмы «Людвиг» – копии легендарной установки, на которой играл Ринго и которая запечатлена на фотографиях и плакатах «Битлов».

Девочка что-то сказала матери, а та, слегка улыбнувшись, устроилась на трёхном стуле за «Людвигом», взяла приготовленные на барабанах палочки и..

Техника игры у неё была уверенная, стремительная, филигранная. Гулкий большой барабан-«бочка» под ударами маленькой ноги безукоризненно точно держал ритм. Вкусно, слёгким треском – т-ч! т-ч! – отзывался рабочий барабан. Услужливо хлопотал весёлый хай-хэт. Убедительно – тув-в! тув-в! – высказывались солидные том-томы. И рассыпались в полнейшем восхищении тарелки: ах! ах-х! ах-х-х!..

Зал погрузился в такой потрясающий, много слойный шквал звуков и взбалмошного темпа, что стало невозможным отвлечься или уйти. Замерли за кассами опытные продавцы, слышавшие игру не одной сотни музыкантов и наверняка знающие толк в искусстве барабанщика. Замолкли на полуслове, повернувшись к источнику неукротимого звука, немногочисленные посетители, потянулись люди из других залов.

Но женщина вдруг резко оборвала ируяростным ударом по двум тарелкам и «бочке», и пока затухали последние отголоски этой неожиданной «коды», аккуратно сложила палочки на рабочий барабан и выскользнула из-за установки.

– Ну, Пашка, пойдём, пора, – негромко, хрипло сказала она по-русски, протянув дочке руку. – Мне сегодня работать в госпитале в ночную смену, нам надо ещё многое дома успеть.

Немолодой, обрюзгший продавец с

бейджем «VLEN», одетый, как и другие продавцы, в чёрную футболку с красной надписью «Гитарный центр, Чикаго», хотел броситься к этой женщине, остановить её, заорать: «Ирка! Чуприна! Чу! Чу! Чу...»

Но... не шевельнулся.

Он остался стоять посередине отдела ударных инструментов, окружённый сверкающим великолепием «Премьеров», «Людвигов», «Там», «Роландов», «Ямах», и смотрел вслед двум, разным по росту, но очень похожим фигуркам, неспешно топающим одинаковой, немного тяжеловатой походкой к выходу из магазина.

...Маленькая упрямая барабанщица поднимает голову, смотрит на него и говорит, серьёзно и непонятно:

– Я никогда не буду есть суп из моего друга.

Чикаго, 2013

СК

Марк Звигильский

Пение ясеней в городе Буживаль

В 2013 году исполняется 130 лет со дня смерти замечательного русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Значительная часть его жизни прошла во Франции. Связь с Францией продолжалась 38 лет. Третьего сентября 1883 г. тяжело больной раком легких Тургенев угас в двадцати километрах от Парижа – в усадьбе «Ясени» в Буживале. Загородный дом писателя стал музеем. Осенью 2013 г. он отмечает свое тридцатилетие.

Музей Тургенева в Буживале был основан господином и госпожой Звигильскими. Вместе со своими сыновьями и единомышленниками они продолжают заботиться об этом необыкновенном месте. На протяжении многих лет дом находится на попечении «Общества друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран», которому принадлежит экспозиция.

Эта скрывающаяся в ельнике «дача» напоминает о дружеских и литературных связях Тургенева с Гюставом Флобером, Эмилем Золя, Альфонсом Доде, Эдмондом де Гонкуром, Ги де Мопассаном, Владимиром Сологубом, Михаилом Салтыковым-Щедриным, Генри Джеймсом и другими видными современниками – представителями творческой интеллигенции. Дом также помнит голос Полины Виардо и историю большой дружбы и любви певицы и писателя...

Сегодня на страницах нашего журнала мы приветствуем Марка Звигильского, в настоящее время являющегося хранителем музея, созданного его родителями.

*Интервью и перевод с французского сделала наш корреспондент во Франции **Юлия Лалуа***

–Марк, благодарю Васзато, что уделили время для нашей беседы. Пожалуйста, расскажите нам о вашем отце АлександреЗвигильском, докторефилологических наук, неутомимом исследователе жизни Тургенева. Передалась ли и Вам увлеченность Тургеневым? И как возник музей Тургенева в Буживале?

–Действительно, родители передали мне свою страсть. Моя жизнь с самых малыхлет тесно связана с Тургеневым. В

1956г. отец впервые побывал в имении «Ясени» в Буживале. Тогда имение снимала французская актриса Габи Морле. В тот период отец готовил дипломную работу в Сорбонне о Тургеневе и его связи с Испанией. В семидесятом году он привез сюда маму, брата и меня. Такусадьба «Ясени» стала местомнашего частого паломничества. Затем мама предложила создать общество защиты имения «Ясени» от разрушения и основать здесь музей.

Родителям удалось собрать вокруг себя друзей, коллег, своих студентов, их родителей, близких и единомышленников.

Так в январе 1977 года родилась некоммерческая ассоциация «Общество друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран». Через год «Ясени» были выставлены на продажу. Усадьбу купил не Буживаль, а город Ля Сель Сен-Клу (La Celle Saint-Cloud).

Тогда мама составила музеографический проект, руководствуясь опубликованными воспоминаниями современников Тургенева, письмами, рукописями. Также был подготовлен проект культурных мероприятий с целью сбора средств для будущего музея. Ассоциация организовывала концерты, спектакли, выставки, семинары. Благодаря глубоким знаниям и упорной работе моих родителей, при поддержке всей семьи и волонтерского участия членов ассоциации двери музея распахнулись 3 сентября 1983 г. – к годовщине столетия со дня смерти Ивана Тургенева в этом доме.

От всего сердца нам хотелось бы поблагодарить тех, кто поддерживал нас в самые чудесные и самые трудные моменты создания музея. Важно напомнить, что успехом предприятия мы также обязаны всем тем, кто делал многочисленные пожертвования и поддержке Управления по культуре региона Иль де Франс. Место, где находится единственный за пределами России музей русского писателя, отныне является значимым символом франко-русской дружбы.

– Для тех, кто еще не побывал в Буживале, не могли бы Вы рассказать, как проходит визит в «Ясени»?

– Имение «Ясени» находится на Холме импрессионистов, недалеко от дома Бизе и в пятнадцати минутах ходьбы от замка

Мальмезон. Попадая сюда, перед тем как войти в музей, посетители сначала оказываются в густом парке, видят виллу Виардо, красивый белый дом в палладианском стиле, отнесенный ныне к разряду исторических памятников, но, к сожалению, он находится в очень плохом состоянии. И, наконец, дачу, которая тоже занесена в реестр памятников истории. Перед ней возвышается бронзовая скульптура, выполненная Григорием Потоцким в 2010 году в рамках Года дружбы между Россией и Францией. Скульптура представляет собой лист ясеня, на котором с одной стороны можно заметить портрет Ивана Тургенева, обращенного лицом к вилле Виардо, а с другой стороны – изображение Полины Виардо, взгляд которой устремлен к «даче».

– Что представлено в экспозиции?

– В комнате, которая изначально была ванной, мы устроили вход в музей, там расположена касса и киоск, где продаются книги.

Первую комнату, столовую, мы называем «залом прав человека», в ней располагается постоянная экспозиция. В этом зале представлены многочисленные свидетельства борьбы Тургенева против крепостного права и антисемитизма в России, против смертной казни во Франции, отношение писателя к революции 1848 г. во Франции, его интеллектуальной и моральной позиции относительно войн, которые потрясли Европу во второй половине XIX века.

На стенах портреты плеяды русских писателей – современников Тургенева, гравюра Александра II, провозглашающего отмену крепостного права в 1861 г., выполненный маслом портрет Александра Герцена кисти его дочери Натальи, подаренный из семейного архива.

В витринах разложены многочисленные старые издания произведений Тургенева, среди них подлинник «Записок охотника» на русском языке 1852 года и первый его перевод на французский язык, появившийся в издательстве Hachette в 1854 г., а также рукопись статьи Андре Моруа о театре Тургенева.

В помещении, где раньше был вестибюль, демонстрируется на экране знаменитая шахматная партия, которую Иван Сергеевич выиграл у чемпиона Владислава Мачусского в «Кафе де ля Режанс» в Париже на площади Пале-Руаяль в 1861 году.

В 2006 г. наша коллекция пополнилась большим полотном Николая Дмитриева-Оренбургского «Охота в замке Шамбодуэн» (масло, 1879), где Иван Сергеевич Тургенев запечатлен в костюме охотника рядом с великим князем Николаем Николаевичем.

— *Есть ли у вас здесь любимые вещи? Что вам особенно дорого?*

— В музыкальном салоне, в центре зала, находится уникальный экспонат, сокровище нашего музея: фортепиано Тургенева, привезенное им из Баден-Бадена. На нем играли Клара Шуман, Иоганнес Брамс, Антон Рубинштейн, Полина Виардо.

Прогуливаясь по залам музея, вы увидите множество картин (масло, акварель, карандашные рисунки), гравюры и скульптуры (бюсты), среди них особо выделяется портрет 1835 г. работы французского художника Луи Ежена Коедеса (Louis Eugène Coïdes). На нем изображена восхитительная оперная певица Мария Малибран, сестра Полины Виардо. И, поверьте, трудно устоять перед красотой примадонны и блеском ее атласного платья.

Здесь на стене в витрине еще

несколько ценных предметов: три произведения Тургенева с автографом писателя, обращенным к Полине Виардо, письменный прибор Полины, «Полный трактат об искусстве пения» брата Полины и Марии Малибран, одного из крупнейших преподавателей пения, профессора Парижской консерватории Мануэля Гарсия-младшего, а также изобретенный им в 1855 году ларингоскоп.

В атмосфере этого салона витает тонкое сплетение литературы и музыки, подчеркивающее глубину дружественных уз, связывавших Тургенева как с семьей Виардо, так и с писателями своего времени. Об этом свидетельствуют письма к Гюго, Флоберу, Жорж Санд, написанные рукой Тургенева, а также ответы, полученные от Мериме, Жорж Санд, Гонкура, Доде, Золя, Флобера, Мопассана, Ренана. Эти документы погружают нас в богатый и захватывающий мир европейской культуры второй половины XIX века.

Кроме того, постоянная выставка рассказывает о жизни писателя в разных странах (во Франции, России, Германии, Англии), о его дружбе на почве музыки и литературы с Ламартином, Чарльзом Диккенсом, Генри Джеймсом, Гейне и с друзьями Виардо — Гуно, Бизе, Сен-Сансом, Берлиозом, Форе, Россини, Массне, Мейербером, Кларой Шуман...

На втором этаже, усилиями парижской Высшей школы декоративно-прикладного искусства «Эколь Буль» в двух комнатах восстановлена обстановка дома Тургенева — его рабочий кабинет и спальня с балконом.

В кабинете можно увидеть внушительный книжный шкаф эпохи Наполеона III резчика Мазарова, подлинный письменный стол И.С. Тургенева, художественный уголок Клоди, третьей из дочерей семьи Виардо, и ее великолепный портрет работы французского

мастера пастельной живописи Эмиля Леви, а также портрет Полины Виардо, выполненный самой Клоди пастелью на бархате. Здесь же висят портреты Луи Виардо и Тургенева работы русского художника Алексея Харламова.

Спальня писателя впечатляет точностью сходства с гравюрой Клоди, которая служила реставраторам примером при воспроизведении.

И, конечно, в доме есть витрина, специально посвященная Полине и Ивану, она носит название «Любовь и преданность». Здесь мы выставили оригинал рукописи рассказа «Конец», последнего рассказа, надиктованного Тургеневым Полине Виардо с кровати с балдахинном, здесь же хранится медальон с изображением Полины, который писатель носил у сердца.

— Мы знаем, что в «Ясенях» Иван Тургенев создавал или заканчивал работу над некоторыми основными произведениями, например над своим последним романом «Новь» и стихотворениями в прозе. Здесь он вел свою обширную переписку и работал над переводами на русский язык французских писателей-современников, в том числе своего лучшего друга Флобера. Марк, вы сами — актеры режиссер. Какой вам видится атмосфера этого места? Вдохновляет ли она на творчество сегодня?

— Без сомнения, это место, которое особенно благотворно воздействует на творческий процесс. Кроме своего первичного призвания как мемориального музея, это и музей идей. А любое творчество без идей невозможно. И усадьба пробуждает вдохновение. Начиная с «Тетрадей Ивана Тургенева». Это богато иллюстрированный литературно-художественный и музыкальный журнал. Он появляется ежегодно. Мой отец и многие французские

и зарубежные специалисты по культуре XIX века публикуют в нем не опубликованные ранее материалы и результаты своих исследований.

«Тетради» получили признание в научном мире за качество своих статей. Они же информируют о деятельности общества друзей Ивана Тургенева из пятнадцати стран мира, среди которых Франция, Великобритания, Германия, Голландия, Бельгия, Испания, Швейцария, Италия, Чехия, Польша, Россия, Швеция, Япония, США и Канада.

Мой отец Александр Звигильский также систематизировал и опубликовал, сопроводив вступительным словом, неизвестную переписку Тургенева со всеми членами семьи Виардо и переписку с Флобером. Он участвовал и в подготовке публикации тургеневских «Стихотворений в прозе». Мама — Тамара Звигильская — автор путеводителя по музею, книги, которая входит в число самых продаваемых в нашем магазине.

Анри Труайя не смог бы дать такого количества деталей в своей биографии Ивана Тургенева, если бы не наш музей. Как и Роберт Дессе, австралийский писатель, автор переведенной на русский язык книги «Сумерки любви. Путешествия с Тургеневым», и Жан де Буассель, верный член нашего общества и автор исторического романа «Русские писатели в круговороте 1880-х годов. Толстой, Достоевский, Тургенев».

Музыковеды, биографы Полины Виардо Патрик Барбье и Мишель Фриан, члены нашего общества, упоминают о музее и «Тетрадах Ивана Тургенева» в библиографии своих исследований. Каждый год музей организует музыкальный сезон вокруг тургеневского фортепиано. Концерты проходят в музыкальном салоне, окна которого выходят в сад. Слушатели получают удовольствие не только от звучащей

Основатели Музея
Тургенева в Буживале:
Александр Звигильский и
Тамара Звигильская.

музыки, они видят перед собой волшебный парк, где непрерывно поет многоголосый птичий хор, гармонично сочетающийся с музыкой. Магия этого места позволяет воссоздать музыкальную и артистическую атмосферу салона Виардо, который в свое время пользовался большим успехом. Его называли «Храмом искусств».

Последнее наше музыкальное событие – несомненный творческий успех театрального режиссера Бернара Гримоне, который поставил оперетту «Последний колдун» на музыку Полины Виардо и либретто Ивана Тургенева. Интересно отметить, что 2010-й год культурного сотрудничества России во Франции и Франции в России, содействовал возникновению нескольких творческих проектов вокруг Полины Виардо, Льва Толстого и Фредерика Шопена.

В частности, я бы отметил вклад

скульптора Григория Потоцкого, его «Лист ясеня», о котором я уже рассказывал, и спектакль «Пение ясеней», по пьесе, написанной совместно с Катрин Фанту-Гурне, по переписке Тургенева с Полиной Виардо. Действие происходит в салоне писателя на даче в 1882-м, за год до его смерти. Биограф, его роль играю я, наносит визит Тургеневу, роль которого исполняет известный актер Майкл Лонсдейл, и Полине Виардо в воплощении Катрин Фанту-Гурне. Я работал над постановкой этого музыкально-поэтического спектакля с большим уважением, трепетно сохраняя историческую подлинность отношений персонажей. Это гимн необыкновенной любви Ивана Тургенева и Полины Виардо, по словам Мопассана, «самой прекрасной истории любви XIX-ого века». В 2011 году наш спектакль 48 раз был представлен в Камерном Театре Острова Сен-Луи в Париже. В 2012-м в

парижском Espace Bernanos прошло 15 показов. А в 2014 году, благодаря поддержке Французского культурного центра, мы будем иметь честь и удовольствие играть нашу пьесу в рамках дней франкофонии в Москве. Премьерный показ пройдет 27 марта в музыкальном салоне Библиотеки-читальни им. И.С.Тургенева. А 29 марта – в зале Государственного литературного музея А.С.Пушкина.

Я также хотел бы отметить, что в нашем музее с 1983 года регулярно проводятся семинары, выставки, конференции и другие культурные мероприятия. Все они поддерживают пламя той творческой энергии, которой посвятили себя Тургенев и Виардо. Их смыслом была «жизнь для Искусства» с большой буквы.

–В последнее время о трудностях музея часто упоминалось во французской и российской прессе. Как обстоят дела сейчас? Какие организации помогают музею? Смотрите ли вы в будущее с большей уверенностью?

–В 2003 г. компанией Sofimug и фондом Fondation Ville et Patrimoine был заброшен проект строительства при входе в усадьбу дома юнсьержа длиной как две виллы Виардо. По этому проекту планировалось, что сама вилла будет реставрирована в качестве пристройки к соседней с музеем гостинице Holiday Inn. В настоящее время так и сохраняется некоторый статус-кво.

Общество друзей Тургенева с 1982 года, больше тридцати лет, ждет окончательного решения мэрии города Ла Сель Сен-Клу, обещавшей долгосрочную аренду – на 50 лет – недвижимого имущества имения «Ясени». В 2003 г. мэрия перестала продлевать арендный договор, расторгнув его без объяснения причин. Этим открыт путь к осуществле-

нию их коммерческого проекта главным образом в интересах застройщика.

Нам же представляется существенным сохранение творческого и культурного духа этой усадьбы. За что мы и боремся. Назначение музея – не кратковременная миссия. Безусловно необходимо обеспечить преемственность этого проекта. К тому же мэрия города Ла Сель Сен-Клу на своем интернет-сайте как бы высказывается в том же направлении, но действует в обратном. Сейчас нам нужно мобилизовать всех партнеров, которые уже поддерживали наш замысел (города Ла Сель Сен-Клу и Буживаль, регион Иль де Франс и его департамент Ивлин, региональную дирекцию по культуре, Российское Правительство). Это и есть наш вклад, единственная цель которого – поддержать общественный интерес.

В 2011 году мы представили на рассмотрение региональной дирекции по культуре две заявки: первая на включение музея в программу «Дома выдающихся людей», а вторая – на присвоение ему официального звания «Музей Франции». Мы не получили ответной реакции ни на одну из них. Изменится ли что-то с приходом к власти нового правительства? Время покажет. Так что в контексте достаточно большой неуверенности за судьбу музея нам была просто необходима помощь посредника в переговорах. Эту роль взял на себя почетный президент нашего общества Марек Хальтер.

Среди самых верных наших союзников – Бюро туризма Буживаля. Мы очень ценим их поддержку. Город развивается и постепенно открывается туризму, а для этого есть все предпосылки: Буживаль – город импрессионистов, музыки и литературы. Недавно для публики был открыт дом Бизе. Он находится в двух шагах от дачи и тоже способствует развитию туризма. А наш

музей является частью туристического маршрута «По местам жизни писателей», позволяющего посетить дома 13 знаменитых писателей в регионе Иль де Франс. Сегодня мы ждем от органов государственной власти значительной и решительной политической инициативы. Наш друг – известный оперный певец баритон Жорж Шамине – бьется боком с нами за реставрацию виллы Виардо. Он предлагает превратить ее в

Международный центр музыки. Это прекрасная идея. Какое счастье говорить на одном языке с серьезным партнером, который с уважением относится к этому исключительному месту и его ауре. Будет ли достаточным идеальное совпадение общих интересов двух наших проектов для того, чтобы обеспечить будущее музея? Мы от всего сердца желаем этого.

*Специально для журнала *LiteratuS*,
Буживаль*

***В год, богатый знаменательными датами, мы поздравляем
Музей Тургенева в Буживале с Днем рождения,
желаем процветания Музею и всем членам общества
друзей Тургенева.***

***С самыми теплыми пожеланиями семье Звигильских,
неутомимым вдохновителям, создателям и хранителям
этого замечательного островка русской культуры
во Франции.***

Музей Тургенева в Буживале

нуждается в вашей подержке.

Вы можете стать членом Общества друзей Тургенева (регистрация на сайте www.tourgueniev.bi), рассказывая о нас, помочь развитию туризма в Буживале, направить нам пожертвования на счет: (ASSOC. AMIS TOURGUENIEV, IBAN : FR76 3000 4009 4700 0078 0522 248, BIC : BNP AFRPP PSU).

С благодарностью за ваш вклад в развитие русской культуры во Франции.

От Вас зависит будущее Музея.

Добро пожаловать в имение „Ясени“. Приглашаем вас посетить это необыкновенное место.

С апреля по октябрь музей открыт
в субботу (с 14.00 до 18.00) и воскресенье (с 10.00 до 18.00).
Для групп визиты весь год по предварительной записи.
Контактные телефоны: (+33) 1 45 77 87 12 и (+33) 6 08 58 18 94

Адрес музея: 16 rue Ivan Tourgueniev, 78380 Bougival, France
Телефон: (+33) 1 39 18 22 30

Адрес электронной почты: musee.tourgueniev@wanadoo.fr
Фильм о музее: <https://www.youtube.com/watch?v=XRidGOZYIWw>
Блог музея: www.tourgueniev.fr

Магазин, где можно приобрести журнал «Тургеневские тетради»: www.tourgueniev.biz

Владимир Батшев

Писатели русского зарубежья: разноцветье стилевой палитры

Словом писателю и издателю

– Владимир, мы встречаемся с Вами на страницах нашего журнала не первый раз. Сначала позвольте поздравить Вас с выходом в свет новой книги – «Русские зарубежные писатели начала XXI века. Автобиографии». Кстати, сколько книг уже вышло под Вашей редакцией? Или их так много, что Вы уже не считаете?

– Спасибо, Людмила. Вы правы, под моей редакцией на сегодняшний день вышло, кроме 185 номеров «Литературного европейца» и 40 номеров «Мостов», много книг. И я их, действительно, не считаю.

– В обращении к коллеге-читателю говорится, что это второй сборник «Автобиографий современных русских зарубежных писателей». Как все это состоялось? Как рождалась сама идея создания такой книги?

– Все началось в начале века. Тогда в «Литературном европейце» я опублико-

вал обращение к писателям с просьбой прислать свою литературную автобиографию, написанную в любом жанре. Писатели присылали автобиографии целых три года. В 2004 году книга вышла. Через год я объявил о запуске второго сборника. Писатели присылали свои автобиографии 8 (восемь) лет. Недавно второй сборник увидел свет.

– Вы сразу задумывали сборник как а то биографии? Я помню, что получила приглашение участвовать в сборнике и написать текст о себе в произвольной форме.

– Именно как сборник автобиографий. В первом сборнике, который вышел в 2004 году было больше жанров – и интервью, и пародия, и детектив, и фрагмент из романа, и эссе. И взгляд со стороны. Во втором сборнике разнообразие жанров меньше, но автобиографии более объемные. В третьем выпуске, думаю, появится что-то новое.

– Почему именно автобиографий, а не информативные тексты о писателях русского зарубежья? Что для Вас самого было интересным представить в этой книге?

– Как вы знаете, мной был выпущен библиографический справочник «Писатели русской эмиграции. Германия 1921–2008». У него были совсем другие задачи – библиографические (кстати, в этом году он будет переиздан с расширением временных рамок по 2013 год). В автобиографии писатель раскрывается более полно, чем в любой биографической справке. К тому же, хочет или не хочет, он вносит в нее часть своего литературного стиля. Сборник получается в виде разноцветной стилизованной палитры. Это разноцветье, эта радуга – самое интересное для меня.

– Почти у каждого автора в конце представлен список публикаций. Но книга создавалась 6 лет. Вас не смущает, что информация за время собирания материала может устареть? Например, у меня за эти годы вышло 7 новых книг и 7 под моей редакцией.

– Пусть это смущает авторов автобиографий. Почему я должен бегать за ними и спрашивать: у вас вышло что-нибудь новое или нет? Я не нянька, а авторы – взрослые люди. Кто хотел – тот беспокоился. Акто просто отписался – Бог с ним.

– Какой принцип отбора авторов положен в основу сборника? Признаться, я почти никого, за редким исключением, из представленных в этом издании авторов русского зарубежья – а представлено 28 авторов – не знаю. Хотя знаю очень многих, живущих ныне в разных уголках земного шара, кого в этой книге не встретила.

– Тот же, что и в библиографический справочник – изданная книга. В первом выпуске было представлено 50 авторов, и тоже, как я предполагаю, вы многих не знаете. Хотя у всех авторов вышли книги, а у многих десятков! Мне тоже жаль, что многие не участвуют в сборнике. Но уже начата подготовка к третьему выпуску – надеюсь, кто-то из известных вам – откликнется.

– Все ли авторы, живущие в Германии, для которых русский язык – родной, включены в обе книги? И если нет, что мешало этому?

– Нет, не все. Им *ничего* не мешало принять участие. Мои личные симпатии и антипатии, эстетические вкусы и

политическая позиция – ни при чем. Но я – повторю! – не нянька и не погоняла – не хочешь присылать, упрашивать не буду – тебе же хуже.

– Вы много лет издаете журнал «Литературный Европеец». Появились ли за последнее время новые авторы? Я имею в виду из среды молодых людей или недавно приехавших?

– Да. Конечно. Хотя, что значит «недавно приехавшие»? Ручеек эмиграции в Германию почти обмелел за последние десять лет. Но есть новые и молодые авторы (я имею в виду тех, кому до 40 лет).

– Хотя в предисловии сказано, что писатели люди ленивые и некоторые так ничего и не написали о себе, но все-таки хочется спросить: будет ли еще продолжение? Нас ведь, пишущих, живущих за пределами России, так много.

– Да, разумеется. Я думаю, что человек 200–250 писателей смогут участвовать в следующих сборниках. И это не только из США или Израиля, но и из европейских стран.

– Планы у Вас грандиозные! Главное – чтобы всё исполнилось. Успехов Вам!

Интервью взяла Людмила Коль,
Хельсинки – Франкфурт-на-Майне
(по e-mail)

Полина Копылова

Сны и явь Грузии

Мое путешествие в Грузию началось в 2007 году с того, что я туда, на поэтический фестиваль «Сны о Грузии»... не поехала. Помешала работа. В 2008 году меня испугала назревающая, какядовитый плод, война.

В 2009 году я бы не поехала из страха перед ненавистью – к моему русскому паспорту, языку и происхождению.

Далее, как говорится, было не до того – даже если бы случилось приглашение. По разным житейским причинам: работа, ребенок, рутина.

Да и стихи, как казалось, теряли прежнее значение.

**VI Международный
русско-грузинский
поэтический фестиваль
«Во весь голос»,
посвященный 85-летию
со дня рождения
Нодара Думбадзе и
120-летию со дня
рождения
Владимира Маяковского,
проходил в Грузии
с 13 по 22 июля с.г.**

...когда самолет, заходя на посадку, отбросил крылом последние облака, внизу засверкало сокровище. Потом я узнала, что освещение в Тбилиси появилось только в последние годы - еще десять лет назад энергетический дефицит прятал город во тьме. Теперь под крылом переливались, приближаясь, сдвоенные нити пустых проспектов, россыпикварталов на склонах, башни...

Дело шло к полуночи. От усталости и понятного волнения я забыла, какой паспорт мне надо предъявлять. Поэтому, с финской честностью, я показала оба.

«Первый раз в Грузии? – спросил меня офицер, дождался кивка, и показал на русский паспорт, – по этому можно девяносто дней без визы. По этому – он постучал по финскому – 360 дней без визы. Куда штамп ставить будем?»

«Давайте в финский. Он свежий!»

Пограничник украсил страничку с лосем двумя зелеными львами, серьезно предупредил «ЕЛИ будешь выезжать, не забудь, покажи этот же самый паспорт!»

И я шагнула в черное молоко южной ночи ждать машину, предощущая удивительное.

Шестой русско-грузинский фестиваль поэзии «Во весь голос» удивил во всем.

Начать... с прогула. Да-да. Мы с москвичами Андреем Коровиным и Ганной Шевченко прогуляли всю конференцию «Иверский свет» в старом Тбилиси. Было звеняще жарко, солнечно, пыльно – как должно быть в настоящем старом городе, где давно живут и уезжать не собираются. Так давно живут, что время течет, как ему удобно. Или где-то за занавеской кто-то открыл хромированным настольном календарике пятьдесят лет назад, и нате: из подвалов продают хлеб, портной скучает за дымчатым стеклом, вувешанных бельем двориках кто-то перекрикивается из окна в окно...

Потом пришлось каяться перед ведущим конференции главным редактором журнала «Знамя» Сергеем Чуприниным, но он не был в обиде.

Продолжить: после полета по автостраде мимо беженских поселков (наследие войны) экскурсии по музею Сталина (стоит! открыт! часть истории!) мэра города Гори лично ведет нас, гостей, показывать отреставрированные старинные кварталы – предмет его личной же гордости. Пешеходного перехода нет. Их здесь вообще нет. Городской голова смело ступает на мостовую, делая знак машинам – мол, здесь переходить буду, а

нам – мол, осторожнее. И не зря: в полуметре от мэра тормозит могучий внедорожник Мэр сурово косится на водителя и вдруг начинает улыбаться и махать – за рулем кто-то знакомый. Этот же мэр потом, на поэтических посиделках, пел в очередь с Мананой Менабде под гитару Высоцкого (по-русски) и читал стихи своих друзей-поэтов (по-грузински).

Закончить? Вот мы сидим тесным и уже хмельным крутом в беседке во дворе батумского отеля. И грузинский коллега Дато Турашвили, автор многих сценариев и нескольких романов, начинает вспоминать про войну. Налеты на Тбилиси. Страх. Ярость. «Я хотел все свои русские книги сжечь». «Слушай, – говорю я ему, – Тбилиси пять лет назад бомбили. Хельсинки – вообще в 39-м. Так ты не поверишь – мы до сих пор забыть не можем!» И мы смеемся. Бомбили, да. Лучшего занятия не нашли. Не то, что мы.

А еще была история про черпак для вина. Но про черпак другой раз.

Главный повод удивиться дает сам фестиваль.

Понятно, что без фестиваля все эти встречи, впечатления и разговоры, а также музей Нодара Думбадзе, музей Маяковского (и музей Сталина), поездки по грузинским городкам, поющие мэры, гудящее море, стихи Олега Чухонцева без микрофона, пикировки с Лидией Григорьевой (потом они сошли на нет), комплименты Бахыта Кенжеева финской кухне (мы полностью сошлись во мнении о том, что финский черный хлеб – самый черный и самый финский в мире), вечера с Шота Иаташвили были бы невозможны.

Поначалу фестиваль удивляет смелостью воплощения простых, но почти запретных в нынешнем прагматичном мире желаний: вот поэты, переводчики, их слушатели, и все они хотят пообщаться. Почитать стихи. Да просто вина вы-

Юрий
Юрченко
(Франция),
Елена
Скульская
(Эстония),
Сергей
Чупринин
(Россия)
в Гори

пить, наконец! Вместе. Не задумываясь о том, где они будут жить, во сколько им это обойдется. Не прикидывая, кто из них главнее, «равнее», заслуженнее, кто к кому как относится, кто где печатается и кому покровительствует.

Эту возможность фестиваль ими дает – не где-то в закрытом пансионате, а по всей стране, на чтениях, на застольях, в гостинице, не ограничивая, разумеется, общение поэзией.

Удивление иного рода вызывает само существование международного просветительского союза «Русский клуб»: как в небогатой стране, пережившей разруху и военный конфликт с Россией, удается ежегодно устраивать подобный фестиваль? Да, есть поддержка Международного благотворительного фонда «Карту» и других грантодателей, но суть не в средствах, а в содержании и, если угодно, идеологии: фестиваль выходит за рамки российско-грузинского культурного обмена, он апеллирует к идее «русского мира», чьи пределы куда шире российских границ, прилегающих, с одной стороны, к финским, и, с другой, к грузинским рубежам.

Фестиваль воплощает мысль о безбоязненном взаимопроникновении культур, которое, если в обществе на то есть воля, может преодолеть предрас-

судки и исторические травмы. Удивительнее всего то, что в Грузии, после всех кризисов, эта воля не то, что есть – она набирает силу. И, расспрашивая организаторов фестиваля, узнаешь удивительные вещи – например, то, что русский язык, изучение которого было в последние практически уничтожено, начинает быть востребован и снова вводится для изучения в школах. Что растет поколение молодых переводчиков-билингвов – и они хотят переводить.

И, главное – что даже угрозы (а они были – и не только в адрес организаторов, но и в адрес участников фестиваля в 2009 году) не могут помешать людям, которые действуют по велению души.

...а черпак для вина из дома Нодара Думбадзе для меня... украли. Как говорят – согласно грузинскому обычаю: я имела неосторожность сказать, что он мне понравился. Он изготовлен из высушенной тыквы, и до сих пор хранит аромат молодого вина, которое мы по кругу из него пили. В этом смысле уехать из Грузии насовсем действительно невозможно. Пограничник был прав.

При участии **Нино Цитладзе**
(международный просветительский союз «Русский клуб»)

Игорь Воловик

Под нефами каталонского неба

Отзвуки Сибири

В 2013 году Калелья отпраздновала 60-летие городского туризма. С 23 по 27-е октября этот каталонский курорт на побережье Маресм в окрестностях Барселоны принял международный хоровой любительский конкурс-фестиваль «Santa al mar», организованный немецким обществом Intercultur, базирующемся во Франкфурте-на-Майне. В соревновании приняли участие хоралы

почти со всех уголков планеты: от Скандинавии, Центральной и Восточной Европы и бывшей советской Прибалтики до Израиля, Индии, Китая, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. И конечно же – из России. Россию представили шесть хоров из подмосковных Клина и Красногорска, волжской Самары, сибирских Иркутска и Ачинска и дальневосточного Хабаровска. Число русских хоров, наряду со шведскими, значительно превысило количество участников из какой-либо другой страны. Соревнующиеся коллективы выбрали различные «весовые» категории: духовная музыка, классика, детский хор... Участники из России завоевали первенство. Концерты проходили в залах и на площадях Калельи, а соревнования – в барселонской церкви Santa Maria del Pi в непосредственной близости от популярного бульвара Las Ramblas.

Парад-открытие фестиваля. Узкие улочки Калельи едва вмещают поток певцов. Флаги, флажки, полотнища. В полосу, с крестами, со звездами. За национальными костюмами следуют классические, за классическими – экстравагантные. Песни. Мотивы. Отрывки. Каждый хор запекает одну из народных мелодий. Напевы смешиваются. Шведы спонтанно подхватывают «Подмосковные вечера» впереди идущего хора. Их невибрирующей прозрачный тембр придает русской песне, ставшей интернациональной, особый люгеранский оттенок. Затем все устремляются в городской парк, где организаторы фестиваля официально принимают участников под звуки броского марша.

У стен городской церкви три хора дают первый уличный концерт. Россия, Эстония и Латвия. Бойкие русские песни, певучие латышские мелодии... Солист из Ачинска исполняет «Неаполитанскую тарантеллу» Россини. Внезапно ему отвечают три выразительных чихания старикана скамейке. Все смеются. Настоящий речитатив. Публика аплодирует одновременно и старику и солисту. А ведь программа еще не предусматривает состязания!

– Я чувствую себя здесь как дома, – кивает

в сторону оживленной пешеходки дирижер женского академического хора учителей города Ачинска Герман Шахраманян. «Однако я тоже», – пробегает в голове мысль. Калелья располагает. Впрочем, как и вся Каталония. Гостеприимство, климат, природа, и историческое наследие и традиционная экзальтация искусства. Каталонцы экспрессивны, шумны, неумны, сумбурны, радушны, честны и предупредительны. Только за рулем – нетерпеливы. И никогда не знаешь, ругается каталонец или веселится. Во всяком случае, ему всегда нужна публика.

Конец октября. Но деревья зелены. Южная Европа не знает «золотой осени». Листья не покрываются внезапно разнообразием красок, чтобы затем плавно опадать на ветер, как в России. Здесь она постепенно зреет, жухнет и засыхает. Морской сезон еще незакончился. Отдыхающие тела без стеснения сбрасывают плавки и купальники и бросаются в пенные валы. Лавки и закулочные теснят друг друга на первых этажах зданий. Спелые помидоры и перцы на лотках, бутерброды, кофе, посуда, летняя одежда, детские игрушки, украшения, сувениры, – словом, все то, что свойственно южным курортам. Но главное – на каждом углу темное каталонское вино и сочный бекон. Владельцы бутиков вымывают мостовые круглой «испанской» шваброй – и чистоте могут позавидовать голландские города. Белье развевается на террасах плоских крыш – по-средиземноморски. Город полон туристов. Немцы, французы, русские. Интересно, как они выкроили каникулы в этот период? Русский язык можно услышать повсюду – в ресторанах, отелях, магазинах, на улицах, в электричке. Это туристы, иммигранты и участники фестиваля. Приезжающих на авто встречает колоссальная – высотой с пятиэтажный дом – русскоязычная вывеска на паркинге у крытого рынка, приглашающая отдохнуть на море. На уличных витринах – реклама по-русски. Ресторанные меню переведены на русский. Местное уругвайское бистро предлагает на закуску «русский салат». И даже пляжный кактус развернул солнцу

сочный лист с выгравированной ножом надписью: «ТАМБОВ». Такое впечатление, что русский язык в скором времени вытеснит французский, столь распространенный и понимаемый в Каталонии в силу исторической близости каталонской и южно-французской (*окситанской*) культур. Не владея испанским и не желая использовать заезженный туристами английский, я колеблюсь в выборе между французским и русским. Вероятно, русский язык навечно останется международным, несмотря на какие вихри недавней истории и геополитические интриги.

Но как бы то ни было, а в полдень полетнем у печет солнце, накаляя причудливо изогнутые карнизы в духе *art nouveau* и отшлифованные подошвами плитки мостовых Калельи. Торговые улочки внезапно вымирают – чтобы забурлить с еще большей силой после захода солнца. Тени удлиняются. Нападает ленивая сонливость. «Бумм...» – одиноко оповещает колокол. Три четвертью. Сиеста.

А в далеком сибирском Ачинске – в шести часовых поясах от Каталонии – уже успел выпасть снег. Этот город в составе Красноярского края почти неизвестен в Европе, да и пожалуй, в самой России. Наверно, именно поэтому столь необычно видеть его представителей здесь, в Калелье, и так приятно осознавать, что далеко не только крупнейшие российские мегаполисы способны конкурировать на международном уровне.

Как и многие города Сибири, Ачинск был первоначально основан как острог. С 19-го века он становится промышленным центром на Транссибирской магистрали. В культурном плане в городе действуют сегодня музыкальные и художественные школы, центр дополнительного образования детей, дворец культуры – как платформа для творческих коллективов, – драматический театр. Подобно Иркутску, развитию культурной жизни способствовало присутствие серьезных политзаключенных из столицы западной части Российской империи. По словам солиста академического хора Вадима Гольцмана, «Ачинск

можно охарактеризовать присутствием инициативных и творческих людей» – словно в противоположность тяжелому характеру сибирского климата. Сейчас жизнь в городе готовится к долгой зиме, которая продлится до середины апреля. Последних пожаров в тайге и последующих за ними осенних разливов на Амуре потревоженные медведи прошли сотни и даже тысячи километров, оказавшись на улицах города. Эмблематично! Европейец до сих пор связывает Россию с мохнатым лакомкой. А что думают об этом сами сибиряки? Поживаясь от утреннего бриза на террасе кафе в Калелье, прямо напротив специально сооруженных для конкурса подмостков, где распевается студенческий хор, я останавливаю отделившуюся от коллектива девушку:

– Скажите, из какого вы города? Из какой страны?

– Мы из Иркутска. Из Сибири!

Вот, оказывается, какое государство – Сибирь. Со своими медведями. Но это не удивительно. На огромном пространстве от Омска до Иркутска сибиряки чувствуют себя в своем общем родном доме. Рассыпавшись бусами вдоль Транссибирской магистрали, их везде встречают родственники. И везде всем рады. Таким образом, можно уверенно говорить об истинном сибирском идентитете, не отвергающем при этом русскую цивилизацию. Точно так же и каталонец – в полную противоположность французам из провинции, ревниво держащемуся за свою «единую и неделимую Французскую Республику», – назовет прежде всего именно свой регион, а не государство, не порывая в то же время с испанским наследием. Да и итальянский пьемонтец – тоже. И британский шотландец.

До Калельи не добегают сибирские медведи. Но с Пиренейских гор сюда спускаются волки. Они, наверно, тоже прежде всего каталонские. А не испанские или французские.

Хоры окрашивают многоголосием площади Калельи. Распевка. Дети плещутся в

домашних бассейнах или катаются на велосипедах по террасам вторых этажей. На улицах молодые финские хористки в национальных костюмах распевают фольклорные мотивы из песен тысячеозерной Похьолы. Пляжные бермуды пропахли соленой водой. Вечером ждут крикливые соседи в отеле.

– Мы делаем все возможное, чтобы ачинский хор был на уровне, – продолжает его дирижер, заслуженный работник культуры России, приглашенный из Красноярска. – У нас широкий и разнообразный репертуар. Мы исполняем одновременно светские и духовные произведения от Галлуса (16-й век) до советской музыки (Россия, Армения, Украина), от русских композиторов до европейских. На конкурсе в Одессе хор занял второе место, выступал недавно на Мальте. Если честно, то я не уверен, что мы победим в Калелье – слишком велика конкуренция и высокоуровень соперников. Но не это основное. Главное – удачно выступить, показать себя, зарекомендовать и набраться опыта. Это фундаментально. А еще важно отметить тот факт, что деятельность хора поддерживается городскими властями Ачинска и Министерством Образования. Без этой помощи – никуда. Культуру необходимо субсидировать финансово и поощрять морально.

– Несмотря на отсутствие профессионального музыкального образования у большинства участниц, – добавляет солист хора, – наши певицы смелые. Многого достигли. Но нужны не одни лишь международные состязания, но также систематические концерты на месте – в Ачинске, в Красноярске. Искусство должно жить постоянно, регенерировать себя, а не только эпизодически находить самовыражение.

– Мы хотим расти, – словно подпевают мелодично в унисон участницы хора, – качественно и количественно. Да и молодых должно быть больше. Ведь за ними – будущее.

– А вы сами, собственно, откуда? – переходит в контратаку концертмейстер. – Из Гренобля? А где это? Мы такого не знаем.

Ну, вот, кажется, мы и нашли общий язык с далекими ачинцами. Одни затерялись в Сибири, другие – в Альпах. Как говорится, добро пожаловать в клуб!

– У вас прекрасный голос! Позвольте узнать, из какой вы страны? – подходит к солисту серьезный англоязычный меломан.

– Из России.

На этот раз...

Я заканчиваю текст на фоне пляжного полотенца на перилах балкона с видами на террасы и черепицы Капеллы. Водворе отеля напротив распевается убассейна ачинский хор. Стены домов внутри квартала, словно в чаше, отражают звук. Чайковский, Рахманинов. Внезапно раздается вполне правдоподобный крик петуха – репетиция завершается отрывком из кантаты Леси Дычко «Четыре времени года». Выхожу на балкон. Помахать рукой? Но отрывать не стоит. Сегодня в конце дня им предстоит состязание – в столице Каталонии.

Вечерняя Барселона кипит. Ралли, кафе, гуляния, фонтаны, огни, проспекты, темные закоулки, уличные музыканты. Помпезная площадь Каталонии с ее импозантными башнями, как и знаменитая авеню Алькала в Мадриде, – явный прототип сталинской архитектуры улицы Горького в Москве. Сумасшедший бульвар Лас Рамблас. А рядом – благородный кирпич-

ный фасад полуосвященного храма Санта-Мариа дель Пи. Подготическими сводами его широкого нефа, столь подходящего для музыкального исполнения, жюри прослушивает участников фестиваля. Каждому коллективу в каждой категории отведено ровно четверть часа. Публику посетителей церкви выпускают и выпускают исключительно между выступлениями. Таковы правила. Вибрато ачинского хора наполняет неф. Акапелла. Строгие классические костюмы. Красные папки с партитурой. Заметно волнение. Или переживание? Хор завоюет две серебряные награды: в категориях женского хора и духовного пения. Несмотря ни на какую конкуренцию.

Далекий сибирский Ачинск на международном конкурсе в Европе. Престижное место непрофессионалов в состязании с маститыми хорами. Удивительный показатель? Не думаю. Ведь увлеченность, преданность делу, преодоление сложностей и решимость в сочетании с поддержкой культурного развития со стороны общественных властей – это залог успеха, столь необходимого в наши дни для продолжения вклада России в мировую цивилизацию.

А еще так важно просто провести время под солнцем и пообщаться со своими коллегами – любителями искусства.

Барселона – Гренобль, октябрь 2013

